

Отзыв

члена диссертационного совета *Честнова Ильи Львовича* о диссертации *Денисенко Владислав Валерьевич* на тему: «Легитимность права (теоретико-правовое исследование)», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Актуальность избранной темы автор связывает, во-первых, с конфликтностью современного социума, в связи с чем легитимные способы их разрешения принципиально важны. Во-вторых, в связи с тем, что «осознанное правомерное поведение представляет собой условие интериоризации индивидами определенных коллективных ценностей и предпосылку взаимодействия различных слоев и групп общества на основе солидарности и взаимовыгодного обмена» (с. 4). В-третьих, вследствие того, что на сегодняшний день, по крайней мере в отечественной юридической науке, «единого понимания и удовлетворительной концепции юридической легитимности» пока не сложилось. (с.5) Автор справедливо отмечает, что легитимность права в современных отечественных юридических публикациях отождествляется либо с политическими решениями, либо производно от легитимной государственной власти. (с.5) Кроме того, нельзя не согласиться с важной мыслью, что «ни формирование права, ни его действие, ... не могут быть глубоко изучены без обращения к понятиям «признание», «доверие», «спрос на право» и т. п.». (с.6) Поэтому поддерживаю «предварительный вывод» автора, формулируемый в актуальности избранной темы: «...легитимность есть не что иное как сущностное свойство права, и в этом своем качестве она и должна быть изучена». (с.6) Все это, по мнению диссертанта, обуславливает актуальность избранной темы.

Научная новизна работы состоит не только в комплексном, монографическом анализе (концептуализации) легитимности права (чем традиционно оправдывается этот квалификационный критерий диссертационных исследований), но и в соотнесении легитимности права со «структурой социальной реальности», через различения легитимности права с ее «смысловыми оппозициями» (известный постмодернистский методологический прием) и в интеграции философско-правового уровня научного исследования с эмпирическим.

Значительный интерес представляют рассуждения автора о праве как аспекте нормативной системы. При этом заслуживает внимания его критика формально-логического определения правовой нормативности. «Нормативная система, - пишет В.В. Денисенко, - конечно, может быть смоделирована исключительно деонтическими средствами (в совокупности с дедуктивным выводом, что понятно), но при этом будет утрачено то главное, ради чего вообще имеет смысл говорить о легитимности – субъект. Дело в том, что для всех тех вопросов, которыми интересуется юриспруденция, чрезвычайно важным является проблема работоспособности нормативного порядка. Важно, что правила существуют не в вакууме, не сами по себе, а внутри сложнейшей сети общественных интеракций, в точках переплетения рационального и иррационального, материального и идеального, сознательного и бессознательного. Субъект – это центр правовой системы, носитель циркулирующих в ней смыслов и ценностей, обладатель ментальных репрезентаций, претендующих на истинность, и моральных притязаний, претендующих на обоснованность и, конечно, справедливость. А поскольку основными характеристиками человеческого индивида (индивид участвует в правопорядке и персонально, и в составе ассоциаций всевозможного рода) являются воля и разум – две способности, наличие которых необходимо и достаточно для правосубъектности, следовательно, создать формальную модель правовой системы, в которой была бы отражена должным образом субъективность, невозможно». (с.32) Недостаток чисто

логического понимания права как нормативной системы, по его мнению, стоит в том, «что за скобки выводятся все те аспекты действия права, которые связаны с волей и разумом живых личностей – персон, ограниченных в своих когнитивных возможностях, целеполагании и рефлексивных способностях...». (там же.)

«Если мы имеем дело с нормативной системой, предназначенной для регуляции человеческого поведения, - заявляет автор, - не стоит надеяться, что можно достичь сразу двух параметров этой регуляции – эффективности и всеобщности. Либо преобладает первый (управление эффективно, но партикулярно, т. е. периодически правопорядок рассыпается на составные части, видоизменяется, трансформируется, приватизируется), либо оно универсально, но не эффективно (поддерживается некое унифицирующее единство, при котором нормы, практики и правосознание должны быть единообразно связаны друг с другом, но периодически в системе возникают кризисы легитимности - управляющие поведением суждения перестают быть самоочевидными, не воспроизводятся автоматически)». (с.40).

«В случае же системного (органицистского) подхода к праву, - справедливо заявляет В.В. Денисенко, - остается некое место для неопределенности, но понимаемой исключительно в позитивном ключе, а именно как:

1) отсутствие исчерпывающего множества дескриптивных суждений, построенных по правилам данной теории (действительно, ведь это только в идеальном случае нормативная система включает в себя все свои следствия, но, во-первых, это включение не актуальное, а потенциальное, а во-вторых, это обстоятельство не накладывает обязанности на соответствующую теорию содержать все описания данной системы, взятой по состоянию на любой момент времени);

2) антропологизм («человекоразмерность») теории, допускающий такие повседневные казусы с участием обладающих волей и разумом

агентов, которые могли бы данную теорию фальсифицировать (в том смысле, в каком об этом говорит К. Поппер). Другими словами, та теория правовой системы, которая включает в себя некие представления о человеческой природе как константе бытия и оперирует интерпретативными схемами, релевантными именно данной метафизической посылке, будет менее предпочтительной, нежели теория, в рамках которой сохраняются социально-конструктивистские по духу предпосылки. В содержание данных предпосылок должно входить соображение о том, что природа какого-либо объекта есть не что иное как эффект взаимного пересечения множества систем («срезов и потоков» – в терминах Делеза и Гваттари, «дискурсов» – в терминах Фуко, «полей и практик» – в терминах Бурдье и пр.), а не онтологическая конкретизация безупречной родовой сущности, как об этом говорит, например, платонизм. Иными словами, от теории требуется уметь «собирать» и «пересобирать» реальность, а не констатировать ее поврежденность и несовершенство по отношению к некоему заранее избранному нематериальному (т.е. несоциальному) идеалу». (с. 41-42)

В качестве методологии автор отдает предпочтение теории хабитуса и поля П. Бурдье и коммуникативного действия Ю. Хабермаса (не забывая при этом покритиковать марксизм, добавить лингвистический поворот и теорию признания А. Хоннета). Онтология права, по мнению В.В. Денисенко, включает легитимность как «специфическое отношение между субъектами и институтами» (с.73). При этом аргументируется приоритет «непозитивистских» типов правоощимания, которые «способны неким синтетическим образом объединять одни интенции конкурирующих теорий и сглаживать противостояние других. Это тоже не страхует их от разного рода неточностей и ошибок, но позволяет, по крайней мере, преодолевать односторонность классической универсализации». (с.82) Одновременно заявляется о приверженности постклассической рациональности (с. 84 и след.) и, соответственно, коммуникативный подход к праву (с. 86-91).

Готов подписаться под следующим выводом автора: «...чтобы право

стало действующим, необходимым условием является его легитимность, которая реализует себя в межсубъектном взаимодействии. Именно поэтому, на наш взгляд, следует считать именно легитимность (или общественное признание) сущностным (эйдетическим) признаком права, в первую очередь – субъективного, во вторую – объективного, т. е. позитивного». (с. 132-133).

Интересны рассуждения диссертанта о трех стадиях легитимации права, последовательно сменяющих друг друга с течением времени. «Вначале приемлемость стихийно возникшего поведения (образа действия) обнаруживается на уровне межличностных отношений и поддерживается благодаря такому чисто психологическому фактору как доверие, при этом она (приемлемость) может быть никак не зафиксирована. Далее, когда названная модель благодаря ее непрерывному воспроизводству выходит за пределы персональных связей в сферу публичного, ей требуется фиксация в юридических текстах. Тем самым данная модель приобретает и объективированное содержание, и поддержку со стороны определенного авторитета (политического суверена, коммуникативного сообщества и пр.).... Завершает процесс легитимации полноценное включение правового предписания в коммуникацию, протекающую между субъектами». (с.147-148). При этом замечу, что первая стадия, как представляется, нуждается в более подробной аргументации.

Справедливо заявление автора, что «увеличение и специализация права, которые являются неизбежными спутниками общественной модернизации, требуют изменений процедуры легитимации, но эти изменения, на наш взгляд, означают необходимость учета общественной практики в демократических процедурах, дабы решить проблему признания закона». (с.212) Условием легитимности права в современном обществе (высокого модерна), по мнению диссертанта, является доверие и социальный капитал. (с. 227).

Несмотря на эти и другие важные, претендующие на статус научной новизны, положения, диссертация В.В. Денисенко не лишена отдельных

спорных моментов:

1. Автор заявляет, что в своем исследовании не опирается «на какую-то одну всеми признанную теоретико-правовую парадигму (таковой не сложилось, и есть большие сомнения в том, что она была бы полезна – исторический опыт советских общественных наук свидетельствует скорее против такого единства, нежели в пользу), а на представление об *онтологическом статусе* легитимности как необходимо присущего праву свойства». (с.7) Однако описать и объяснить онтологический статус чего-либо без исходных теоретико-методологических допущений невозможно. Полагаю, что такую позицию следовало бы четче сформулировать во введении и 1 главе диссертации.

2. Хотелось бы уточнить позицию автора, оставшуюся не прояснённой: какими «объективными концептуальными причинами» вызвана «замена позитивистского (и этатистского, если говорить об отечественных реалиях) понимания права на коммуникативное» (с.13)?

3. Полагаю, что различие легитимности и легальности права в параграфе 1 главы 2 нуждается в более четкой концептуализации автором. С одной стороны, они категорически их противопоставляются (в этом параграфе), но далее автор соглашается с мнением М. ван Хука о том, что процесс легитимации включает «формальную легитимацию» (с. 144-145).

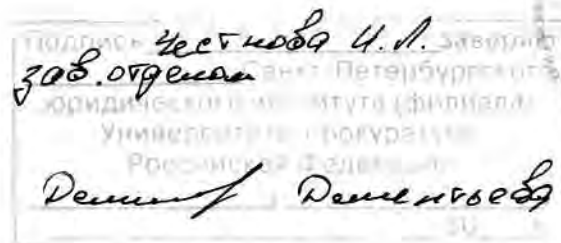
4. Определение легитимности «позитивного права как признание позитивного права субъектами (личностью, социальными группами и обществом) в качестве приемлемого основания поведения» (с.115) не проясняет критериев или показателей такого признания, которое, как известно из работ Джеймса Скотта, может быть «вынужденным».

5. К сожалению, в работе нет ответа на фундаментально важный вопрос о взаимодействии уровней легитимности: как легитимность межличностных интеракций соотносится с институциональной (безличностной) легитимностью.

Тем не менее, отмеченные спорные положения не влияют на общий вывод: диссертация Денисенко Владислава Валерьевича на тему «Легитимность права (теоретико-правовое исследование)» является самостоятельным исследованием актуальной темы, обладающим несомненной научной новизной, теоретической и практической значимостью, в котором разработаны теоретические положения, которые можно квалифицировать как научное достижение в области теории права, и соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Денисенко Владислав Валерьевич заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории
государства и права Санкт-Петербургского
юридического института
(филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации

Честнов И.Л.

05.04.2021